

76
26 НОЯ. 40 L

ДРУЖБА ГЕНИЕВ

Примкнув к кругу русских литераторов, Мицкевич получил возможность общаться с тем, кто, как и он, стоял на вершинах поэзии — с Пушкиным. 25 октября 1826 г. на обеде в «Московском вестнике» за обоих был поднят тост. Неважно, познакомились ли они у редактора «Телеграфа» Николая Полевого, приписывавшего себе заслугу их встречи, или у общего сердечного друга Сергея Александровича Соболевского или, может быть, у Вяземского, но сблизидя обоих поэтов сильная симпатия, крепкое и полное взаимное признание.

Спустя несколько месяцев после первой встречи, Мицкевич, информируя польского писателя Олынца о русской литературе, обещает написать о Пушкине подробнее, сообщает, что знаком с ним и часто встречается. Мицкевич хвалит «Бориса Годунова», несколько сцен из которого знает на память. Со временем Мицкевич подчеркивает в своих воспоминаниях обаяние личности Пушкина и высокий уровень их бесед о литературе, религии, политике и на общественные темы.

Оба поэта имеют общие интересы, оба высоко ценят Байрона*); Шекспир, которого с энтузиазмом изучает Пушкин, создавая «Годунова», является и для Мицкевича вершиной драматической поэзии; оба они думают об исторической драме, как о той форме театрального произведения, которую требует их эпоха; оба любят народные славянские песни, на обоих влияет прекрасная мистификация Мериме.

Образ Мазепы в «Полтаве» заметно связан с Конрадом Валленродом. Поднятая на наиболее высокую ступень музыкальность стиха в поэзии Пушкина резонирует с двумя балладами Мицкевича, созданными в Москве — «Чаты» и «Три Будриса».

И Пушкин, и Баратынский восторгались феноменальным импровизаторским дарованием Мицкевича; Пушкин неоднократно слушал его импровизации. Ону из них польский поэт произнес в петербургской квартире Пушкина 30 апреля

1828 года. Он импровизировал тогда французской прозой, подчеркивая, что его слова на иностранном языке — это, как бы пылающее под землей пламя. В 1826 году, впервые услышав импровизирующего Мицкевича, Пушкин осыпал его похвалами и воскликнул: «Какой гений, какой священный огонь! Что я после него?»

В 1829 году Мицкевич покинул Россию. Благодаря влиянию русских покровителей — князя Голицына, Вяземского, Погодина, он получил паспорт. Дружба же Пушкина с польским поэтом продолжалась. Во время войны 1830—31 года он беспокоится лишь о судьбе Мицкевича.

В июле 1833 года Соболевский, возвращаясь из-за границы, тайно привез Пушкину третью часть поэмы «Дядя», изданную в конце 1832 года. Эта поэма произвела на Пушкина большое впечатление, и он переписал из этого «отрывка» стихотворение, озаглавленное «Олешкевич»; стих «К друзьям русским» и начало «Памятника Петру Великому». Переписал польски, что, очевидно, давалось ему с трудом.

Образ Пушкина и чувство признания к нему никогда не сглаживались в душе Мицкевича. «Друг Пушкина» — так подписал он некролог, напечатанный четыре месяца спустя после смерти великого русского поэта — 25 мая 1837 года в парижском журнале «Le Globe». Эта подпись соответствовала существующему мнению об отношениях двух поэтов — среди русских и поляков, и даже распространились слухи о том, что Мицкевич, будто, вызвал на дуэль убийцу Пушкина.

Творчеством Пушкина Мицкевич вновь занялся в своих лекциях о славянской литературе.

Не только дружба, соединяющая двух поэтов, говорит о том, что они были близки, несмотря на различие их индивидуальностей. Поэтов роднит их роль в истории поэзии: оба они были пионерами художественного реализма, оба почти одновременно создали большую литературу своего народа.

Проф. ЮЛИЙ КЛЕЙНЕР.

Зав. кафедрой истории польской литературы Львовского университета.

*) В библиотеке Пушкина сохранился том произведений Байрона с надписью: «Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих А. Мицкевич».